

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР

Народная артистка РСФСР Эдита Пьеха:

«НА КРЫЛЬЯХ ПЕСНИ»

Представлять ее нет необходимости. Достаточно взглянуть на снимок. Целое поколение наших читателей выросло за годы ее выступлений на эстраде. Она начинала на студенческой сцене, а сегодня на ее концерты приходят люди самого разного возраста, и для всех она — символ молодости, музыки, обаяния, гармонии. Сегодня народная артистка РСФСР, лауреат премии Ленинградского обкома комсомола Эдита Станиславовна Пьеха — наша гостья.

— Эдита Станиславовна, наш читатель молод, а в юности человек всегда о чем-то мечтает. О чём мечтали Вы?

— Мне кажется, я не умела мечтать. Для этого нужно было обладать фантазией, а моя фантазия развивалась в одиночестве между четырех стен, когда мама уходила на работу. У меня не было даже кукол. Я мастерила их сама и шила им платья из лоскутков. Мне так хотелось сделать их

красивыми, что однажды я отрезала кусок от маминого выходного платья. Но мама даже не отругала меня, увидев свое платье, она обняла меня и заплакала. В шахтерских семьях для девушки хорошим будущим считалась работа портнихи. Так думала и я, но вряд ли можно назвать это моей мечтой. Настоящая мечта родилась тогда, когда мы после войны вернулись в Польшу. Я очень полюбила свою учительницу и решила стать педагогом. Это стремление было настолько сильным, что я даже ослушалась маму. Она хотела, чтобы я пошла работать на фабрику. В то время в Польше считалось, что девушка, окончив семь классов, должна сама зарабатывать себе на жизнь. Но вместо этого я поступила учиться в педагогический лицей. Там я все делала с увлечением: училась на «отлично», занималась спортом, пела в хоре. Меня избрали председателем комитета комсомола лицея. Награда за активность была для меня столь неожиданной, что просто не верилось в такой поворот судьбы: райком комсомола дал мне направление для дальнейшей учебы в Советском Союзе. Об этом я даже не мечтала.

— Но пели Вы уже тогда...

— Да. Но с моими мечтами это никак не связывалось. Я с детства привыкла к тому, что песня помогает в трудную минуту, поддерживает человека. Я уже выступала на сцене, но долго не представляла, что пение может быть профессией. Я даже не волновалась. Сама я пела всюду: возле двери аудитории перед экзаменом, поднимаясь по лестнице в общежитие, просто шагая по улице. И мне казалось, что зрители — это люди, которые точно так же любят петь и поэтому всегда поймут меня. То, что это взаимопонимание нужно завоевывать, я поняла гораздо позднее, когда стала выступать на профессиональной эстраде. Мама тогда писала мне: «Ты так часто выступаешь, а когда и кем ты работаешь?»

— Ваше появление с ансамблем «Дружба» открыло новую страницу в истории советской эстрады. Как все новое, Ваше творчество, наверное, не все понимали и принимали!

— Конечно. Пока я выступала в самодеятельности — все шло гладко. Но стоило нам начать выступать от «Ленэстрады», как посыпалась критика. Слово «джаз» считалось тогда едва ли не ругательным, и статьи о нас пестрели фразами

такого рода: «Эту кабацкую певицу надо хорошо выстригать», «Это — подражание буржуазному джазу», «Нам не нужны микрофонные шептуны». Многие тогда обо мне прямо говорили: год-два поет и уйдет. Представьте, что все это обрушилось на двадцатилетнюю девушку, делавшую только еще первые шаги на профессиональной эстраде. Я плакала. Но не петь просто не могла.

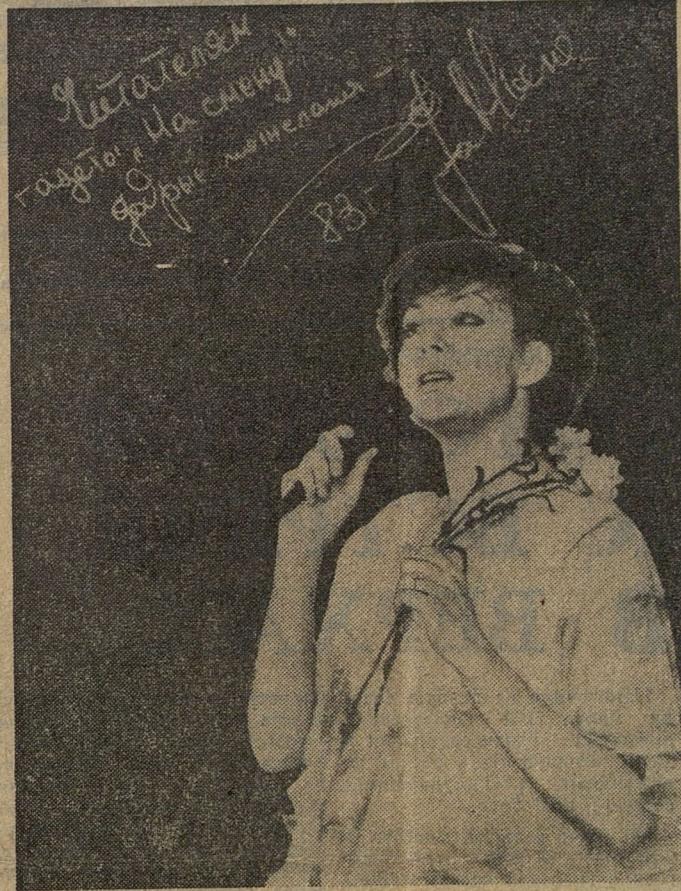
Только через два года появились первые выступления в прессе, где серьезные музыканты и музиканты доказывали, что наше творчество — это новое молодежное направление в музыке. Газета «Трибуна люда» после написала: «Если Утесов и Шульженко открыли новые страницы в истории советской эстрады, то ансамбль «Дружба» и Эдита Пьеха сделали то же самое». Но это было после. А тогда, в 1957 году, мы были первым вокально-инструментальным ансамблем, «Битлз» появился позднее. Сейчас, приглядываясь к другим певицам, я замечу порой позаимствованную у зарубежных или наших звезд эстрады манеру держаться, одеваться, хуже того — даже петь. А я все находила сама, искала свой обход.

— Это были поиски какого-то женского идеала?

— Мне хотелось, чтобы это была женщина, дарящая людям праздник, прекрасная, как царевна, как невеста. У меня не было свадебного платья, не было его и у моей мамы. Красивая одежда всегда ассоциируется с праздником, поэтому я очень тщательно выбираю туалеты. Разъезжая с гастролями, я постоянно выслушиваю ткани, потом обдумываю фасон, советуюсь с модельером. Я выбираю платье и к песне. Подобно актерам, которые уже на репетициях надевают костюмы, в которых будут играть, чтобы лучше войти в роль, я надевала на репетиции концертные платья, чтобы лучше почувствовать, подходит оно в данном случае или нет, какие движения я могу в нем делать, а какие не стоит.

— И Вам удалось стать для людей символом женственности, обаяния, молодости. Ведь у многих слушателей эти качества женщины от Ваших песен неотделимы. Здесь есть какие-то секреты?

— Нет. Я начала выступать 27 лет назад. Это немало для эстрады и для человека. Но, мне кажется, многие забыли, что я начала выступать очень рано. Я думала, всякая женщина моих лет может выглядеть не хуже. Для этого не нужно ставить внешность во главу угла. Больше ходить пешком, в меру уделять внимание ежедневному уходу за лицом и соблюдать режим питания — в этом нет ничего ни нового, ни сложного. Тот образ, который я несу моим слушателям, — по-моему, вполне доступен, достижим для каждой женщины — конечно, в своем варианте.

— Эдита Станиславовна, известной артистки, не любила даже одеждой выделяться из среды товарищев. Поступая в институт, настояла, чтобы я уехала из города, опасаясь, что попытаюсь хлопотать за нее. Эта самостоятельность очень пригодилась ей потом.

— Эстрада — неблагодарный вид искусства. Его принято считать легким. Все наоборот! С годами, с опытом, трудности не уменьшаются, если это настоящее искусство. В то же время мы восемь месяцев в году живем вдали от дома, и ни один оперный певец не выступает так много, как эстрадный. Это трудно уже само по себе. С семьей тоже приходится делать выбор. Пока дочь была маленькой, она всюду ездила со мной, и ей это очень нравилось. Но совместить поездки с учебой в школе невозможно, и пришлось воспитывать Илону бабушке. Она к этому привыкла и особенно не горчилась.

— Важный момент в наших отношениях наступил, когда ей было 15 лет. Я помогла ей разобраться в оценке одного ее знакомого. Я пригласила его к нам домой, потом на загородную прогулку. И когда ореол первого впечатления рассеялся, Илона сама поняла, что он за человек. Она этого никак не ожидала, но была очень благодарна мне и с тех пор ничего от меня не скрывала. Теперь мы с ней добрые друзья, и меня это радует.

— Ваша дочь выросла среди песен и тоже стала петь. Это закономерность?

— Конечно, здесь есть своеобразная параллель. Но она выросла среди других песен. Они пелись для того, чтобы дарить радость, а не утешать в тяжелую минуту. Она видела уже блеск эстрады. Музикальная грамота была для нее все равно что обычная азбука. Но она заявляла, что не хочет быть певицей, даже отказалась поступать в музыкальную школу. Она очень не любила, когда о ней говорили: «дочь

— Я знаю, что на мои концерты приходит мой зрителей. Знают, мне удается дарить людям праздник, встречу с красотой и гармонией.

Беседу вели

М. НИКИТИНА.

Фото А. ЛАПТЕВА.